

Идеология национализма и спорт

Д.А. Огородов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

ogorodovd@mail.ru

Спорт рассматривается как коллективная практика, участие в которой в любом качестве (как спортсмена, тренера или болельщика) способствует формированию и укреплению социокультурной и политической идентичности. Проанализирован период объединения немецкой нации: классическая гимнастика в XIX веке была ответом на запрос общества на национальную идентичность, и занятия гимнастикой стали объединяющей нации-формирующей социальной практикой. Показано, что в 30—40-е годы XX века спорт стал одной из технологий построения, утверждения и распространения идеологии немецкого национал-социализма.

Ключевые слова: спорт, идеология, коллективная практика, идентичность, политическая технология, национализм.

The ideology of nationalism and sports

D.A. Ogorodov

National research University «MIET»

ogorodovd@mail.ru

Sport is considered as a collective practice, participation in which in any capacity (as an athlete, coach or fan) contributes to the formation and strengthening of socio-cultural and political identity. The period of unification of the German nation is analyzed: classical gymnastics in the XIX century was a response to the society's request for national identity and gymnastics classes became a unifying nation-forming social practice. It is shown that in the 30—40s of the twentieth century, sports became one of the technologies for building, approving and spreading the ideology of German national socialism.

Keywords: sport, ideology, collective practice, identity, political technology, nationalism.

Спорт — это самостоятельное и имеющее длительные традиции явление культуры. Развиваясь, спорт тесно соотносился с другими явлениями и сферами современной ему цивилизации: с экономикой, политикой,

этикой, эстетикой, ценностями и жизненными ориентирами людей и социальных общностей. Соответственно, спорт отражает и воплощает в себе ключевые особенности культуры и цивилизации, «дух общества»

соответствующей эпохи. Базовой атрибуцией, которая составляет основу спорта античности и современности как социокультурного феномена, является агональность.

В Древнем мире спорт являлся элементом синкретичной культуры и был сопряжен с производительным трудом, религиозными ритуалами, политическими технологиями, публичными социальными практиками, военной подготовкой, танцами и всей системой образования, представляя собой сложнейшее самостоятельное явление культуры и общественной жизни. В эпоху античности спорт был особенно тесным образом связан с религиозными ритуалами и военной подготовкой.

Современный спорт — это активность людей, связанная с участием в физических соревнованиях, носящих исключительно игровой (не утилитарный) характер и регулируемая относительно устойчивыми признанными спортивным сообществом всеобщими правилами. Это определение фиксирует наличие атрибуций современного спорта и его отличие от спорта классической традиции.

Одной из глобальных тенденций развития современного спорта является его деполитизация, отделение спортивных практик от политических. Однако спорт был и по-прежнему остается деятельностью, тесно связанной с производством и трансляцией идеологических конструктов.

Спорт и коллективная идентичность. Еще в Античности древние Олимпийские игры не только приносили славу и участникам и обеспечивали им социальный статус в своих полисах, но и приносили имиджевые, экономические и прочие преимущества политикам и городам-государствам, которых они представляли: «Те, кто обладал политической властью или хотел приобрести ее для себя или своих семей, находили удобным находиться рядом с успешными спортсменами, чтобы использовать ауру престижа для собственной выгоды» [9, с. 132]. Это суждение можно отнести не только к политикам, но и

ко всем гражданам полисов, представленных на Играх: Игры и представления вызывали всплеск патриотических настроений и гордость за сограждан; гражданские сообщества полисов отождествляли себя со своими гражданами, соревнующимися и особенно победившими атлетами. Соревнования также способствовали формированию более широкой — эллинистической — социокультурной и политической идентичности, поскольку Игры способствовали сохранению, укреплению и трансляции тех религиозных, образовательных и культурных практик, ценностей и традиций, которые отделяли греков от варваров [9, с. 132]. Мускулиность, сила, ловкость, красота телесности, пропорциональность, физическая гармония, — все эти эстетические ценности Древнего олимпизма повлияли на формирование сознания и политического мировоззрения Людвиг Фридриха Яна (создателя знаменитой немецкой гимнастики и одного из основоположников идеи пангерманизма, Адольфа Гитлера и Бенито Муссолини, а в широком смысле — некоторые из этих ценностей легли в основу современных националистических идеологий).

Международный олимпийский комитет декларирует аполитичность современных Олимпийских игр. Однако в содержании олимпийской агональности сегодня патриотизм, боль (боление) и гордость за нацию и отечество преобладают в общественном отношении к международным соревнованиям и нередко затмевают идею «О спорт, ты мир». То есть несмотря на транслируемую во многих статьях и заявлениях главного идеолога и основателя современных Олимпийских Игр П. де Кубертена доктрину, что Игры способствуют дружбе между нациями и народами, нельзя не признать и правоты Дэвида Б. Канина, который утверждает, что современная Олимпийская система создана и существует в рамках современной политической системы и модели геополитического разделения мира. Трудно не увидеть правоту

Д. Б. Канина в суждении, что личная воля и решимость барона Пьера де Кубертена в распространении олимпийских идеалов связаны во многом с его убежденностью в том, что национальный дух французского народа после поражения Франции во франко-прусской войне (1870—1871) можно укрепить за счет внедрения спортивных и спортивных программ, основанных на британской модели коллективных спортивных игр [5, с. 9—10]. Действительно: «Де Кубертен искал лекарство от физического и морального упадка нации на игровых площадках Итона и в стремлении к занятиям мужественными видами спорта, которые он признавал отличительной чертой образовательных программ британских государственных школ и которые, по его мнению, был ключом к величию британской нации» [4, с. 37].

Де Кубертен рассматривал спорт как средство укрепления международного взаимопонимания и положил начало международному олимпийскому движению, в рамках которого, по как он мечтал, были бы установлены дружественные отношения между нациями в других областях, таких как политика, культура, образование [9, с. 139]. Однако несмотря на искренность надежд и исполненные гуманизма намерения, де Кубертен способствовал еще большей политизации спорта: «Сами заявления МОК об интернационализме, морали и независимости от политики толкают его прямо в сферу политики; решения о включении национальных флагов и гимнов в церемонии награждения победителей и конкурентная борьба команд с национальной государственной символикой способствуют политизации и проявлениям национализма во время Игр» [9, с. 139]. Современные Олимпийские игры стали еще одной кухней, на которой политики выпекают блюда, начиненные государственной идеологией [1, с. 31].

Признавая это обстоятельство, тем не менее было бы неверно возлагать всю ответственность за политизацию и идеологиза-

цию спорта исключительно на отцов-основателей современного олимпизма. Авторитарные режимы (нацисты в Германии, фашисты в Италии, коммунисты в СССР) уже в 1930-е годы начали использовать спорт в качестве средства распространения своей идеологии и как инструмент пропаганды преимуществ политических режимов [9, с. 39].

Какие же особенности спорта этому способствуют? Джеймс Х. Фрей и Д. Стэнли Эйтцен пишут: «Никакая другая деятельность так парадоксально не сочетает в себе серьезное с легкомысленным, игривость со страстью, а идеологическое с рациональным» [3, с. 504]. Действительно, спорт — это не больше, чем просто игра, спорт не обладает никакой самостоятельной утилитарной значимостью. Безусловно, профессиональный спорт может обеспечить спортсмену высокую степень самореализации и гордости, слава, богатство, социальный статус. Но болельщики и поклонники спортивных команд нередко более страстно относятся к спорту, чем сами атлеты. Возможно, потенциал идеологизации спорта заключается в эмоциональной насыщенности спортивных состязаний, которые никого не оставляют равнодушными и вызывают бурю индивидуальных эмоций и коллективные эмоциональные аффекты.

Как это можно объяснить?

Роберт Чалдини пытается ответить на этот вопрос в книге «Влияние: психология убеждения», приводя рассказ о ветеране Второй мировой войны. Вскоре после войны солдат совсем перестал говорить; согласно медицинскому обследованию, его немота не имела никаких физических причин — никаких ран или повреждений мозга. Ветеран имел нормальную психику и был помещен в госпиталь для ветеранов, где он прожил тридцать лет среди совершенно психически нормальных людей, но не произнося ни слова. Однажды в палате, в которой находился ветеран, по радио транслировался футбольный матч, в котором играла команда

из его родного города. Когда судья назначил пенальти в ворота команды, за которую болел ветеран, он вскочил и закричал: «Ты тупой осел! Ты собираешься отдать им очко?!» Затем он молча сел и больше никогда не заговорил [2, с. 195—196]. Чалдини формулирует два теоретических вывода. Во-первых, аффект от игры и желание победы своей команды «вырвало» ветерана из привычного для его психики социального отчуждения, и способность вызвать такую бурю эмоций — специфическая особенность именно спорта. Во-вторых, спортивное боление носит глубоко личный характер: болельщики идентифицируют себя со своей командой, сопереживают победам и проигрышам, ощущая их как свои собственные, лично значимые победы и поражения.

В спортивном болении важно также отождествление себя и «своих»: «При прочих равных условиях вы болеете за свой пол, свою культуру, свою местность... и вы хотите доказать, что вы лучше других. Тот, за кого вы болеете, представляет вас; и когда он побеждает, побеждаете и Вы» [2, с. 196—198]. В этом мире безликих «чужих» у людей есть желание — потребность — найти «своих» и испытать торжество победы над прочими чужими. Победа для «своей» команды — это один из способов для болельщика доказать свое превосходство — по крайней мере, в своем собственном сознании. Когда команда побеждает, это событие является и личной удачей и торжеством духа болельщика, который выбрал именно эту команду как «свою» (если она не является своей объективно, по расовому, национальному или территориальному признаку). Чалдини справедливо заключает: «Если мы сможем окружить себя успехом, с которым мы связаны даже поверхностным образом... наш общественный престиж повышается» [2, с. 198]. Точно так же, как древние греки, в настоящее время люди также пытаются ассоциировать себя с победившими спортсменами. Если согласиться с Чалдини, можно предположить, что спорт

и спортивное боление позволяют людям присвоить себе успех «своих», воспринимать этот успех как свой собственный, тем самым повышая и свое настроение, и свою самооценку. Это могло бы объяснить, что люди радуются спортивным победам даже тогда, когда переживают сложный жизненный период.

Вместе с тем когда команда проигрывает, люди склонны ментально отделять себя от команды и проигрыша. Чалдини описывает эксперимент, в ходе которого исследователи подсчитали количество предметов клубной одежды команды колледжа, которые носили студенты колледжа в кампусе после футбольных матчей. Результаты эксперимента показали, что когда команда выигрывала, клубной, маркированной одежды было больше, чем в день после поражения. Таким образом, сознательно или подсознательно люди варьируют видимостью своих связей со спортсменами и командами, пытаясь использовать эту связь для улучшения собственного имиджа [2, с. 199—200].

В силу этих специфических свойств, спорт стал одной из технологий построения, утверждения и распространения идеологии немецкого национал-социализма.

Нациестроительство германской нации, идеология национализма и спорт. Здесь в наших рассуждениях важно сделать отступление, связанное с историей немецкого национального спорта и физкультуры. Классическая немецкая гимнастика не является спортом, но именно гимнастика, физкультура проникла в германскую образовательную систему, а физвоспитание граждан стало важным направлением политики немецкой Германии и области физкультуры и спорта. Более того, к началу XX века гимнастика стала важным элементом немецкой национальной культуры и самобытности, поскольку именно гимнастика формировала и транслировала такие ценности этой новой для Европы культуры и идеологии, как физическая красота, сила, ловкость, мускулиность, владение

телом. В конце XVIII — начале XIX века «тело» будущей немецкой нации только начинало оформляться, и гимнастика Л. Яна была естественным ответом на запрос нации на идентичность и единство в этой идентичности. Она была воспринята складывавшимся в условиях романтического восприятия идей национализма национальным самосознанием как нечто совершенно органичное ее природе. Идеиные предпосылки для такого восприятия можно найти в мировоззрении представителей немецкой романтической философии, в частности в философии Ф. Шиллера, согласно идеям которого, красота — вечный абсолют, стремление к которому доступно всем людям и выявляет в каждом члене общества способность к самосовершенствованию. В этом отношении гимнастика стала для немецкого народа путем к совершенству, по которому человека и нацию движет стремление к идеалу телесности. Красота и сила телесности также «отсылали» дух нации к ценностям античности, делали немцев полномочными правопреемниками эллинов и ромеев. В начале XIX века гимнастика преимущественно рассматривалась как средство, с помощью которого можно достичь этого идеала. Но в 1811 году Ян основал немецкое гимнастическое движение не только для оформления духа нации; его представления о нацистроительстве были уже менее романтичны и в большей степени политизированы: Ян провозгласил, что гимнастика формирует любовь к Отечеству [8, с. 128], он также индоктринировал для занятий гимнастикой конкретную и утилитарную цель «подготовки борцов за освобождение Германии» [8, с. 28]. Сторонники и последователи Яна обнаружили, что гимнастическое движение обладает определенным потенциалом не только в качестве технологии и инструмента формирования «национальных черт характера» и выражения национального самосознания, но и метода подготовки бойцов к тому, чтобы оформлять и отстаивать национальную идеологию. Поэтому в контексте формиро-

вавшейся с XVIII века идеологии немецкого нацизма к началу XX века эти идеи фактически оформились в своего рода надличностную, общественную и национальную ценность, а занятия гимнастикой — в национальную традицию и объединяющую общество социальную практику, имеющую не только романтическое, но и политическое содержание.

В период после Первой Мировой войны Германия и немецкая нация переживали один из самых трудных периодов в их истории: экономическая депрессия, бедность, голод, безработица, унижение о поражения в войне, — все это определяло атмосферу отчаяния, царившую в обществе. В этой атмосфере образовалась своего рода питательная среда для окончательного оформления идеологии нацизма. Национал-социалисты в качестве основных политических целей своей партии провозгласили «объединение всех немцев в Германской империи, очищение немецкой крови [и] предоставлению большего жизненного пространства... для немецкого народа, особенно на Востоке» Негерманские народы и их культуры должны были быть очищены, если арийская раса должна была создать высшую культуру. Эти идеи приобрели широкое распространение и определенную популярность еще до того, как нацисты пришли к власти. Когда нацисты пришли к власти, Физическая подготовка усилилась, и успехи в спорте превратились в средство, с помощью которого можно было продемонстрировать превосходство арийской расы и Германии перед миром [6, с. 69].

Для утверждения нацистской идеологии использовались, помимо прочего, спортивные практики, причем нацистская пропаганда и государственное администрирование в области физкультуры и спорта смогли «перекодировать» немецкий спорт, то есть заместить в его идеологическом содержании и целеполагании национал-романтизм агрессивным национализмом. Вскоре после прихода

нацистов к власти спорт перестал быть технологией нацистроительства, превратившись в технологию национального самоутверждения и инструмент легитимации расового доминирования, необходимость которого провозгласили нацисты. После прихода нацистов к власти все спортивные клубы и организации быстро перешли сначала под контроль, затем в прямое управление государством и, в конечном счете, нацистской партийной организации [6, с. 86]. Членство в спортивных клубах и участие в спортивных соревнованиях было добровольным проведением досуга среднего немца, а стало обязанностью государственного служащего и члена партии [6, с. 67—89]. Коммунистические спортивные организации были упразднены, и все спортивные федерации должны были иметь нацистов в качестве президентов [6, с. 69—70]. В области физкультуры и спорта нацисты проводили жесткую кадровую политику: все евреи были лишены права быть членами клубов и федераций; многие беспартийные или политически неояльные учителя физкультуры в школах и тренеры спортивных команд были уволены с работы. Член нацистской партии и президент Немецкой организации физкультурников Карл Круммель был назначен ответственным за физическое воспитание в немецких школах: благодаря его деятельности спортивное воспитание было возведено в ранг не менее важного для государства направления образовательной политики, чем интеллектуальное образование [7, с. 84, 86]. Вместе с тем одним из эффектов идеологизации спорта стало повышение престижа и социального статуса тех учителей физкультуры, спортивных тренеров и спортсменов, которые остались в новой системе физического воспитания или были в нее рекрутированы. Новые тренеры нанимались на высокооплачиваемые и престижные штатные должности; спортсменам, в основном работающим в вооруженных силах или военизированных организациях, предоставлялся ряд

льгот и максимальное (как правило, оплачиваемое по специальному тарифу) время для тренировок. Система спортивных клубов фактически слилась с системой молодежных государственных военизированных добровольных организаций: в Гитлерюгенд и Бунд Дойчер Мадель мальчики и девочки проходили спортивную и военную подготовку, а также идеологическую обработку (посредством изучения текстов нацистских лидеров, газетных публикаций, разучивания и исполнения песен и маршей и других коллективных практик). [6, с. 71—72].

В международных спортивных соревнованиях и Олимпийских играх 1936 года Гитлер и руководство нацистской партии видели возможность продемонстрировать миру свое расовое превосходство. Начиная с 1932 года спортсмены команды Германии ежегодно принимали участие не менее чем в 30 международных спортивных соревновательных мероприятиях. Отчасти это стремление к международной презентации немецкого спорта и его достижений следует рассматривать как попытку руководства НСДРП и Германского государства преодолеть культурную изоляцию, в которой оказалась Германия после начала внутривнутриполитического расистского террора [7, с. 87]. Однако и спортсменам, и тренерам нацистские пропагандисты внушали необходимость презентации в ходе спортивных сражений новой мотивации для агональности: немецкий спортсмен должен был демонстрировать не самого себя как личность и атлета, а воплощенной в его теле, в его спортивных возможностях и соревновательном духе расовое превосходство; спортсмены должны были чувствовать себя полномочными представителями всех спортсменов Германии и арийской расы и обязаны были соревноваться не с другими спортсменами и командами, а с другими нациями и расами.

Согласно замыслу А. Гитлера и нацистской пропаганде, Берлинская Олимпиада 1936 года должна была стать самой грандиозной

демонстрацией духа и мощи немецкой нации и германского государства. В определенных отношениях, эта цель была достигнута: Берлинская Олимпиада стала самым успешным и грандиозным массовым спортивным мероприятием и одновременно зрелищным шоу своего времени. Количество зрителей и участников Берлинских Игр составляло более трех миллионов человек, что более чем в три раза превосходило рекорд, установленный играми в Лос-Анджелесе. Зрители и участники Олимпийских Игр, в том числе представители демократических государств, остались под сильным впечатлением от Олимпиады как массового мероприятия [7, с. 87—88]. Спортивные команды Германии принимали участие в международных спортивных соревнованиях даже после начала Второй Мировой войны. Фактически до 1942 года спорт оставался одним из политических технологий воспроизводства и трансляции нацистской идеологии, средством пропаганды расового превосходства арийской расы, трансляции на международной арене милитаристских идей. По сути, спортсмены Третьего Рейха выполняли особую миссию «солдат в спортивных костюмах» [7, с. 92—93], сражающихся за отечество на идеологическом фронте.

Библиографический список

1. Buckel Bart A. Nationalism, mass politics, and sport cold war case. Monterey, California: Naval Postgraduate School, 2008. 128 p.
2. Cialdini R. B. Influence: The Psychology of Persuasion. New York: Quill, William Morrow, 1993. 320 p.
3. Eitzen D. S., Frey J. H. Sport and Society // Annual Review of Sociology. 1991. № 17. P. 503—522.
4. Hugill W. M. Olympics Old and New // Phoenix. 1949. Vol. 3, P. 31—39.
5. Kanin D. B. A Political History of the Olympic Games. Boulder, CO: Westview Press, 1981. XIV, 161 p.
6. Kruger A. Strength through joy // The International Politics of Sport in the 20th Century / Eds.: A. Kruger, J. Riordan. London and New York: E & FN Spon, 1999. P. 67—89.
7. Kruger A. The role of sport in German international politics, 1918-1945 // Sport and International Politics / Eds.: P. Arnaud, J. Riordan. London and New York: E & FN Spon, 1998. P. 79—96.
8. Mosse G. L. The Nationalization of the Masses. New York: Howard Fertig, 1975. XIV, 252 p.
9. Strenk A. What Price Victory? The World of International Sports and Politics // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1979. Vol. 445, P. 128—140.

Поступила 10.09.2021

Огородов Дмитрий Александрович — руководитель Молодежного инновационного центра НРУ Национального исследовательского университета электронной техники (МИЭТ) (124498, Россия, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, Москва), ogorodovd@mail.ru

References

1. Buckel Bart A. Nationalism, mass politics, and sport cold war case. Monterey, California: Naval Postgraduate School, 2008. 128 p.
2. Cialdini R. B. Influence: The Psychology of Persuasion. New York: Quill, William Morrow, 1993. 320 p.
3. Eitzen D. S., Frey J. H. Sport and Society // Annual Review of Sociology. 1991. № 17. R. 503—522.
4. Hugill W. M. Olympics Old and New // Phoenix. 1949. Vol. 3, R. 31—39.
5. Kanin D. B. A Political History of the Olympic Games. Boulder, CO: Westview Press, 1981. XIV, 161 p.
6. Kruger A. Strength through joy // The International Politics of Sport in the 20th Century / Eds.: A. Kruger, J. Riordan. London and New York: E & FN Spon, 1999. R. 67—89.
7. Kruger A. The role of sport in German international politics, 1918-1945 // Sport and International Politics / Eds.: P. Arnaud, J. Riordan. London and New York: E & FN Spon, 1998. R. 79—96.

8. Mosse G. L. The Nationalization of the Masses. New York: Howard Fertig, 1975. XIV, 252 r.

9. Strenk A. What Price Victory? The World of International Sports and Politics // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1979. Vol. 445, R. 128—140.

Submitted 10.09.2021

Ogorodov Dmitry A., Head of the Youth Innovation Center NRU National Research University of Electronic Technology (MIET) (1, Shokina sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), *ogorodovd@mail.ru*